

БАТЕНЬКОВ, Гавриил Степанович (25.III(5.IV).1793, Томск -- 29.X(10.XI).1863, Калуга] -- поэт-декабрист. Детство и отрочество провел в Томске. Участвовал в Отечественной войне 1812 г., был тяжело ранен. После войны служил инженером-путейцем. Вошел в Северное общество. Ему отводилась видная роль в предстоящей организации нового правления в случае царевубийства. После разгрома декабрьского восстания 1825 г. был приговорен к каторжным работам, но вместо этого по не вполне ясным причинам 20 лет находился в одиночном заключении, сначала в Свартгольмской крепости (Финляндия, Аландские острова), потом в Петропавловской. Перенес там психическую болезнь. После тюрьмы 10 лет жил на поселении в Томске, после амнистии 1856 г.-- в Калуге и Белевском у. Тульской губ.

До ареста Б. писал шуточные стихотворения, хотя стиль "легкой" поэзии давался ему с трудом. В Свартгольме в 1827 г. создал поэму "Одичалый" -- трагическую исповедь заживо погребенного узника, теряющего все связи с миром. Сказавшееся в "Одичалом" отчаяние еще более усилилось в Петропавловской крепости. Б. был близок к помешательству, самоубийству, каждую ночь ждал смерти, не надеясь дожить до утра. В одну из таких ночей написал на стене камеры стихи: "И слез и радости свидетель, / Тяжелый камень на пути. / Мой гроб и колыбель, прости, / Я слышу скрип могильных петель".

Преодолевая пессимизм, Б. сочиняет "Тюремную песнь" (1828), в которой нет ни слова о тюрьме: это размышления узника, впервые познавшего восторг,-- о мироздании, человеке, искусстве. А в некоторых стихотворениях тюрьма даже поэтизируется: "Темницы тишина святая / Сосредоточила мой дух". Однако душевная болезнь Б. продолжалась, временами принимая острые формы, что особенно сказалось в "Писаниях сумасшедшего" (1845--1846): это тюремный дневник и одновременно философский трактат, во многом недоступный пониманию. Вылечился Б. лишь на свободе. В Томске он пишет стихотворения, посвященные родному городу, реке Томи, дружеские и любовные послания, стихотворные отклики на события Крымской войны. Подводит итоги своего творческого пути в вольном переложении 30-й оды Горация: "Non exegi monumentum" (1856). Несколько раз начинает писать мемуары, занимается переводами из французской историографии. В последние годы, вернувшись с поселения, пишет философские оды, пейзажные стихотворения.

Б. оставил неоконченную драму из времен Бориса Годунова, стихотворные переложения псалмов и молитв, заметки о литературе, в частности о "Мертвых душах" Н. В. Гоголя, переводы научных трудов и свои собственные исследования в разных областях знания. Интересовался русскими поэтами XVIII в. (М. В. Ломоносовым, И. Ф. Богдановичем, Г. Р. Державиным), продолжал и развивал их одописные традиции. Из поэтов-современников Б. имел контакты с В. А. Жуковским, памяти которого посвятил стихотворение "12 апреля 1862" (к 10-летию со дня смерти поэта), с декабристом В. Ф. Раевским, адресовавшим, #му дружеские послания в стихах.

Б. был склонен к филологическому экспериментаторству со стиховыми формами. В "Одичалом" виртуозно использует внутреннюю рифмовку, в "Писаниях сумасшедшего" некоторые сбивчивые мысли излагает ритмической прозой, создавая иллюзию скороговорки юродивого, бормочущего заговор или заклинание; интересны опыты описания и батальных сцен (наброски-этюды на темы Крымской войны): "Стащу стопушечные с суши / И в сто узлов пушу бежать". Хоры девушек в неоконченной драме -- опыты фольклорной стилизации. В "Тюремной песни" Б. средствами иносказания создает волнующий патетический пейзаж -- с ковылем, с торжественным закатом: "Светися, красная, светися / В холмах седых, Россия-мать!" Б. смело сочетает, а иногда сталкивает разнородные стили: интонации романтической скорби с характерно классицистическими нотами восторга, пафоса; лексика молитв, торжественных покаяний перемешана с научными (Б.-- астроном, математик) и даже техническими терминами: "Служить бессмертью уповаю, / Хаоса сплавливая гарь", "Страстей нечищенным волненьем..." Примечательна упорная приверженность Б. к традиционной строфической форме -- одическому 10-стишию и его различным видам. Хотя далеко не все рискованные опыты удавались поэту, все же экспериментаторство Б. никогда не выливалось в бездушную и искусственную изошренность, не ослабляло серьезности и трагизма (биографически мотивированного) лучших его произведений.

При жизни и многие годы после смерти Б.-поэт был известен лишь как автор "Одичалого" (опубл. в 1859 г.), ассоциировавшегося в сознании некоторых современников с "Шильонским узником" Дж. Г. Байрона -- В. А. Жуковского. Остальные стихотворения, поэмы, а также письма и отрывки из "Писаний сумасшедшего" публиковались в XX в. и воспринимались как параллели-аналоги к философским построениям Л. Шестова, к теории экзистенциализма (мотивы одиночества, отчужденности, ощущение себя на грани жизни и смерти, обретение внутренней свободы своего "я" как следствие решающего выбора в экстремальной ситуации), хотя исторически экзистенциализм опирался на традиции иных, более известных своих "предшественников" XIX в. В последние годы фигура Б. привлекала также внимание современных писателей: роман Ю. Н. Сбитнева "Частная кара", поэма П. В. Вегина "Non exegi monumentum".